

Архипова Нина Геннадьевна

СТАРООБРЯДЦЫ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются русские говоры старообрядцев Амурской области, сложившиеся в условиях инодialeктного и иноязычного окружения и испытавшие влияние польского, белорусского, монголо-бурятского, китайского и испанского языков. Выделяется четыре группы говоров: 1) сохранившие черты южнорусских материнских говоров на всех языковых уровнях и имеющие "следы" польского и белорусского влияния; 2) сохранившие единичные особенности материнских говоров южнорусского происхождения, но имеющие преимущественно севернорусскую лексическую систему; 3) характеризующиеся неоднородным составом и испытавшие белорусское влияние уже на территории Амурской области; 4) относящиеся к среднерусским "акающим" говорам, вне метрополии испытавшим влияние китайского и испанского языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 3. С. 52-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Итак, обобщая результаты анализа функционирования обособленных второстепенных членов предложения на уровне диктемы, мы пришли к следующим выводам:

1. Обособление представляет собой явление коммуникативного (динамического) синтаксиса, возникающее при реализации предложения в топикальной единице связной речи – диктеме. Обособление – специфический маркер актуальности информации, передаваемой обособленным второстепенным членом. Это качество обособления способствует осуществлению коммуникации между участниками речевого акта: информация, передаваемая обособленным членом, участвует в выражении рематичности диктемы или ее части, в которую включен данный обособленный член.

2. Рематический компонент диктемы имеет сложный, двухступенчатый характер, в то время как обособленный элемент предложения помогает его идентифицировать. Иными словами, обособление как синтаксическое явление, представляет собой маркер коммуникативного, надсинтаксического уровня, т.е. уровня, находящегося между предложением и текстом, – диктемного уровня.

Список источников

1. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка в систематическом изложении. Изд-е 6-е. М.: УРСС, 2011. 424 с.
2. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56-67.
3. Колшанский Г. В. Коммуникативная дискретность языка // Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. Вып. 103. Лингвистика текста. С. 15-23.
4. Распопов И. П. К вопросу об обособлении // Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Изд-е 2-е. М.: УРСС, 2009. С. 132-147.
5. Brown D. Angels and Demons. L.: A Corgi Book, 2001. 208 p.
6. Joyce J. Dubliners. M.: Progress publishers, 1982. 450 p.

FUNCTIONING OF THE ISOLATED MEMBER OF SENTENCE AT THE TEXT LEVEL (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LITERATURE)

Agel'yarova Anastasiya Sergeevna
Moscow Humanitarian-Technical Academy
calineel@bk.ru

In this article an attempt is made to analyze the role and semantic features of the isolated sentence members in the structure of the English text. As a result of the linguistic material analysis it is concluded that isolated sentence members acquire additional contextual connotations when functioning in the elementary thematic unit of the text – dicteme – where isolation is a marker of a communicative, suprasyntactic level.

Key words and phrases: isolated member of sentence; dicteme; communication; actual division of sentence; topic; comment; rhematic dominant.

УДК 811.161.1'28

В статье рассматриваются русские говоры старообрядцев Амурской области, сложившиеся в условиях инодиалектного и иноязычного окружения и испытавшие влияние польского, белорусского, монголо-бурятского, китайского и испанского языков. Выделяется четыре группы говоров: 1) сохранившие черты южнорусских материнских говоров на всех языковых уровнях и имеющие «следы» польского и белорусского происхождения, но имеющие преимущественно севернорусскую лексическую систему; 2) сохранившие единичные особенности материнских говоров южнорусского происхождения, но имеющие преимущественно севернорусскую лексическую систему; 3) характеризующиеся неоднородным составом и испытавшие белорусское влияние уже на территории Амурской области; 4) относящиеся к среднерусским «акающим» говорам, вне метрополии испытавшим влияние китайского и испанского языков.

Ключевые слова и фразы: старообрядцы; говоры; миграция; эмиграция; русский язык в метрополии; русский язык в зарубежье.

Архипова Нина Геннадьевна, к. филол. н., доцент
Амурский государственный университет
charli71@mail.ru

СТАРООБРЯДЦЫ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

1. Введение

Формирование русских говоров Приамурья непосредственно было связано с задачами социального, экономического и политического освоения дальневосточных окраин Российской империи. Амурская область

заселялась в основном за счет колонизационных перемещений восточнославянского населения с середины XIX – первых десятилетий XX в. Источниками формирования населения Приамурья стали государственное переселение казаков и крестьян, в том числе старообрядцев и молокан; вольная крестьянская колонизация края; ссылка каторжников. Помимо охраны государственной границы существовала необходимость в обслуживании почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой, в разработке золотоносных рудников, а также приграничной торговле с Китаем и др.

Русские говоры Приамурья начали формироваться с середины XIX в. в связи с появлением казачьих станиц по Амуру. Забайкальские казаки представляли главный поток мигрантов в 50-70 гг. XIX в. После 1882 г. среди колонизаторов края стали преобладать русские и украинские крестьяне-переселенцы. Белорусы представляли наименьшую группу восточнославянского населения, осваивавшего Приамурье. Огромную роль в жизни края и формировании особого диалектного ландшафта сыграли молокане и старообрядцы, занявшие обширные территории сельскохозяйственных и лесных угодий.

Говорить о жизни старообрядческих общин на фоне общерусского исторического развития чрезвычайно сложно. К настоящему времени из существующих групп старообрядцев Амурской области наиболее изучены семейские, представляющие собой этноконфессиональную группу русских старообрядцев-беспоповцев, переселенных из Польши и прибывших в Приамурье после двухсотлетнего пребывания в Сибири и Забайкалье, а в некоторых случаях возвратившихся на дальневосточные земли после более чем полувековых странствований по Китаю, Боливии, Бразилии, Аргентине [4; 5].

Говоры старообрядцев Амурской области долгое время не являлись предметом системного лингвистического описания и не нашли отражения в региональных источниках [13; 14]. Плановая работа по изучению говоров старообрядцев была начата лишь в начале XXI века [4; 5].

В 2001-20017 гг. были совершены фольклорно-диалектологические экспедиции в старообрядческие села Архаринского, Свободненского, Белогорского и Шимановского районов Амурской области: Грибовку, Желтоярово, Заган, Загорную Селитьбу, Гуран, Новоандреевку, Никольское, Ключи, Ураловку и др. В конце XIX – начале XX в. все населенные пункты были образованы старообрядцами, главным образом переселенцами из Забайкалья. В некоторые из них (например, в Ураловку) старообрядцы (семейские) были насильно переселены во время репрессий 1930-х гг. из Свободненского района. Во время экспедиций был собран значительный лингвистический и этнографический материал, позволяющий провести системный анализ разных групп старообрядческих говоров.

Цель настоящей статьи – описать исторический путь и особенности языкового существования старообрядцев Амурской области.

2. Исторический путь старообрядцев Амурской области

Статистические источники по Дальнему Востоку конца XIX – начала XX в. практически не фиксируют профессиональный статус переселенцев. В советский период старообрядцы старались не говорить о своей принадлежности к религиозным толкам. Эти факты значительно осложняют изучение истории переселения старообрядцев на Дальний Восток. Единственными доступными источниками изучения вопроса стали географо-статистические издания [6; 11; 12] и материалы диалектологических экспедиций в старообрядческие села [16].

Если говорить о других территориях России, то история наиболее ярких старообрядческих групп Алтая и Сибири – поляков и семейских – изучена достаточно хорошо. Их переселение из западных регионов на восток (на Алтай, в Западную и Восточную Сибирь) осуществлялось в 60-е гг. XVIII в. в соответствии с указами Екатерины II во время второй «раскольничьей выгонки» из районов Ветки (1764 г.) и, по некоторым данным, из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую империю старообрядцев предположительно достигало 15-20 тысяч человек. Большинство из них были выходцами из Московской губернии, в которую тогда входила вся центральная часть России. Многие называли местом своего первоначального исхода Белгородскую и Новгородскую губернии. Многочисленные группы старообрядцев были переселены в Польшу из Смоленской, Воронежской, Нижегородской, Архангельской губерний.

Таким образом, из Польши было выведено до 20 тысяч старообрядцев, ранее проживавших на различных материнских территориях. Большая часть этих групп была направлена на Алтай и в Сибирь [1, с. 22-24]. Из Восточной Сибири старообрядцы впоследствии двинулись на Дальний Восток, в частности в Приамурье.

Прибывать в Амурскую область старообрядцы начали с 50-60-х гг. XIX в. На всех этапах переселение поддерживалось царским правительством, преследовавшим цели быстрого освоения дальневосточных земель Российской империи. На старообрядцев была возложена миссия сельскохозяйственного освоения обширных левобережных приамурских территорий. Позднее по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись на Дальний Восток преимущественно для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. С началом функционирования морского пути на Камчатку почтовые тракты были закрыты, и часть крестьян-старообрядцев была вынуждена вернуться в Забайкалье, другая же осталась на Дальнем Востоке, в том числе в Приамурье [11; 12].

Амурские старообрядцы расселялись отдельными деревнями преимущественно вдоль рек Томи, Зеи, Белой, Буреи. Первые поселенцы – беспоповцы (спасовцы (даниловцы), поморцы, часовенные и др.), переселившиеся в Приамурье из ближайшего Забайкалья. Точного учета всех переселенцев, в том числе и старообрядцев, до 1883 г. в Приамурье не существовало. В силу различных причин старообрядцы избегали официальной регистрации и впоследствии. В Приамурье было достаточно неосвоенных сельскохозяйственных угодий, и старообрядцы свободно расселялись вдали от административных центров и обжитых территорий.

По данным переписи 1897 г. в Приамурье в конце XIX в. численность «старообрядцев и уклоняющихся от православия» составила 14 308 человек, или 12% от всего населения области [10]. «С 1885 по 1899 г. численность старообрядцев в Амурской области возросла до 7,8 тыс. душ, причем почти исключительно за счет вновь прибывших» [3, с. 49]. В конце XIX – начале XX в. на восток России начинается переселение старообрядцев из Австрии, Румынии, Болгарии, Турции [9, с. 15-28]. «Их экономическое положение в конце XIX в. ошутимо ухудшилось вследствие сокращения свободных земельных площадей, что подрывало традиционное земледелие» [3, с. 52]. В период с 1907 по 1912 г. наблюдается резкое увеличение количества старообрядцев в Амурской области за счет липован – русских старообрядцев, вернувшихся в Россию из Румынии и компактно поселившихся в Свободненском районе (с. Климоутцы) [15, с. 293].

Старообрядческие села Амурской области образовывались главным образом с 1858 по 1912 г. Нужно отметить быстрые темпы роста численности старообрядческих поселений: новые хутора, деревни, села появлялись практически ежегодно преимущественно в южных и центральных районах Амурской области.

Старообрядческие населенные пункты образовывались несколькими путями: путем переселения из других регионов, внутренней миграции и создания временных поселений для выполнения различного рода хозяйственных работ (пасеки, пчельники, хутора, займки и др.); путем выделения наделов женатым сыновьям.

Старообрядцев Забайкалья и Приамурья принято называть исключительно «семейскими». Это обусловлено тем фактом, что к началу XX в. переселенцы из Забайкалья – семейские – составляли абсолютное большинство из числа всех других старообрядцев, прибывших в Приамурье.

Однако сами старообрядцы свидетельствуют о том, что с самого начала освоения амурских земель под семейшину подводились разнообразные течения русского старообрядчества, главным образом беспоповского толка. Это были выходцы из сел Тарбагатай, Большой Куналей, Новая Брянь, Бичура, Архангельское, Никольское, Десятниково Восточного Забайкалья.

Экспедиционные данные указывают на достаточно пеструю картину в среде амурского старообрядчества. Так, в Приамурье переселялись нырки, спасовцы, часовенные, самокрестцы, кержаки, поморцы. В начале XXI в. старообрядцы, исторически принадлежащие к различным беспоповским толкам и соглашениям, причисляют себя исключительно к семейским (кроме жителей отдельных сел и хуторов Архаринского и Свободненского районов). В настоящее время они не обнаруживают значительной разницы в религиозной и бытовой культурах.

Пожилые жители старообрядческих сел Белогорского района (Новоандреевка, Ключи), кроме как семейскими, именуют себя спасовцами или кержаками – «выходцами с реки Кержа» (Керженец) и имеют несколько отличный от других семейских исторический путь.

Однако в чужеродной религиозной и культурной среде старообрядцы всегда стремились поддерживать связи на общинном и семейном уровнях, что в условиях Амурской области привело к нивелировке разногласий между сторонниками старообрядческих течений, а осознание себя семейскими, поляками, кержаками стало носить скорее региональный, чем религиозный характер.

В первые десятилетия XX в. стал очевиден приход советской власти на Дальний Восток, что повлекло за собой интенсивную эмиграцию старообрядцев в соседний Китай. В г. Харбине и его окрестностях образовалось несколько старообрядческих поселений [3].

В 1919-20-й гг. из-за событий, разворачивающихся в Приамурье, многие старообрядцы покинули Амурскую область. Они переселялись в г. Хабаровск, а позже – в Приморье, в Никольск-Уссурийский, а затем – в Харбин [7, с. 8]. Часть старообрядческих семей из Приморья, «спасаясь от коллективизации и репрессий, эмигрировала в Трехречье и Маньчжурию и недалеко от г. Харбина основала деревни Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны и др.» [2, с. 212].

В исторических источниках отсутствуют факты о прямом переселении старообрядцев из Амурской области в Китай, однако есть свидетельства о том, что отдельные семьи амурских семейских в 30-е гг. присоединялись к казачьим отрядам, переходили русско-китайскую границу и уже на территории Китая подсаелись в русские приграничные села, а также русские поселения вблизи г. Харбина [16].

Однако Китай так и не стал местом окончательного пристанища покинувших Россию амурских старообрядцев. Во второй половине 1940-х – 1960-е гг. им пришлось уехать из Китая в Австралию и Южную Америку, откуда впоследствии эмигрировать в Канаду и США. Однако был и обратный путь – в Советский Союз. Как отмечает Ю. В. Аргудяева, «с приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии часть мужчин из старообрядческих деревень увезли в СССР и подвергли репрессиям. Оставшиеся семьи расселились в разных местах Маньчжурии; в 1950-60-е гг. некоторые из них вернулись в Советский Союз, но большинство уехали в Австралию и Бразилию, откуда позднее перебрались в США и Канаду» [2, с. 214]. В настоящее время наблюдается процесс возвращения в Амурскую область старообрядцев часовенных («синьцзянцев») и спасовцев («харбинцев») из Бразилии и Уругвая.

Таким образом, формирование старообрядческих общин в Приамурье естественным образом связано с крестьянской колонизацией Дальнего Востока. В своеобразных геополитических условиях процесс формирования старообрядчества в Амурской области прошел несколько этапов, что сказалось как на религиозных, духовных, так и на бытовых особенностях амурских старообрядцев.

3. Особенности говоров

Как и практически все говоры Амурской области, говоры старообрядцев относятся к числу русских говоров, распространенных на территориях позднего славянского освоения. Они сложились в результате исторических перемещений старообрядцев на Дальний Восток в условиях междialeктного взаимодействия.

Влияние литературного языка на говоры старообрядцев не так велико, как это, например, наблюдается в говорах других групп крестьянского и казачьего населения области. Многие диалектные особенности, утраченные русскими говорами, сохраняются в языке старообрядцев. Это дает возможность производить их сравнение с говорами других территорий с целью выявления материнской основы.

В Амурской области старообрядческие говоры объединены в группы как очень близких между собой говоров, так и имеющих значительные различия.

В отдельных группах говоров наблюдаются диалектные особенности, во многом совпадающие с говорами старообрядцев Забайкалья. К таким чертам относится, например, повсеместное произношение в первом предупредительном слоге гласного [а] как аллофона фонемы /о/ (*каро́ва, мьлако́*); гласного [а] после мягких согласных как аллофона фонем /e/, /a/, /o/ (*пьяли́ть; тряпи́чка, увязла́*) гласного [и] как аллофона фонемы /а/ перед твердыми и мягкими согласными (*прила́, взила́*); переход [е] в [о] (*совреме́нный, поме́рли, те́мно*); произношение на месте [к] на конце слова [х] (*нет денег, на ступенех*); окончание -е у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед. ч. (*у мене, у тебе*); наличие общего спряжения (*просят, возют*); мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л. (*морозют, кличут*); произношение слова *что* как *чэ, шо*; наличие звательной формы (*паря, братко, паря, тятенко, батенько*); многочисленные синонимы-дублиеты. Например, названия колыбели (*зыбка, люлька, качалка, качулька*), цыплят (*цыпушки, силки*), курицы (*квочка, квохтуша, самосадка, квохтушка*), натальной женской рубахи (*станушка, становина, рукава и др.*) и др. (*примеры составлены автором статьи – Н. А.*).

Говоря об истоках старообрядческих говоров Забайкалья (например, говоров семейских), исследователи отмечают их южнорусское происхождение [17, с. 156-157]. Это утверждение напрямую отнесем и к семейским старообрядческим говорам Амурской области.

П. Ф. Калашников, описывая диалектные системы говоров забайкальских старообрядцев, отмечает, что современные семейские говоры неоднородны и их можно разделить на три группы. Для первой характерно наличие многих архаичных диалектных черт. Это говоры сел Бичура, Большой Куналей, Хонхой, Никольское, Новый Заган. Вторая группа говоров в основе своей южнорусская, но имеющая значительные среднерусские наслоения. Это говоры сел Тарбагатай, Десятниково, Ключи, Мухоршибирь. Третьей группе говоров свойственны архаичные диалектные черты, не зафиксированные в других группах говоров [8, с. 85].

Многолетние полевые исследования позволяют говорить о том, что и в Приамурье можно выделить несколько диалектных групп говоров старообрядцев. Эти группы имеют отличные от других говоров диалектные особенности и распространены на относительно замкнутых ареалах.

Первая группа – говоры старообрядцев (семейских) Свободненского района (например, сел Желтоярово, Бирма и Заган), а также отдельных сел Шимановского района (например, Ураловки). Они в большей степени сохранили черты южнорусских материнских говоров на фонетическом, грамматическом и частично лексическом уровнях и в меньшей степени испытали сибирское влияние.

Вторая группа – говоры старообрядцев Белогорского района (села Ключи и Новоандреевка) и некоторых новых хуторов, образованных в Свободненском районе в 2016-2017 гг. старообрядцами-«синьцзянцами» часовенного согласия и старообрядцами-«харбинцами» спасовского согласия, реэмигрировавшими на Дальний Восток из Бразилии и Уругвая во второе десятилетие XXI в. (семья Зайцевых, Килиных, Вагнеровых, Павловых, Фефеловых, Реутовых и др.). Их говоры относятся к среднерусским акающим говорам, южнорусские черты в них проявляются спорадически и главным образом в лексикализованных формах. В говорах семейских Белогорского района отмечается большое количество севернорусской лексики, унаследованной от коренного населения Восточной Сибири в течение почти 200-летнего проживания на территории Бурятии. В говорах же «синьцзянцев» и «харбинцев» такая лексика встречается единично, что обусловлено почти вековым их пребыванием вне метрополии: на территории Китая, Боливии, Бразилии, Уругвая. Однако все лингвистические факты указывают на то, что и белогорские семейские, и харбинцы-спасовцы являются носителями языка и культуры одного среднерусского типа.

Последнюю группу составляют говоры старообрядцев Архаринского района, испытавшие значительное влияние белорусского языка уже на территории Приамурья. Так, с. Грибовка заселялось одновременно белорусами и русскими, среди последних были и старообрядцы из Забайкалья. Нередки были смешанные браки. Например, известны факты одобренных общиной союзов между «перекрещенными» белорусскими девушками и мужчинами-семейскими. В начале XX в. в Грибовку переселилась большая семья старообрядцев-часовенных из Кемеровской области, что также отразилось на языковом ландшафте села. В говоре отмечены многочисленные заимствования из белорусского языка, не зафиксированные на других территориях компактного расселения старообрядцев, обнаруживается свободная конкуренция лексики севернорусского и южнорусского происхождения, отмечена несистемность фонетических и морфологических явлений.

В современных семейских говорах активно образуются разнодиалектные синонимические ряды, происходит трансформация семантической структуры слова, изменяется формальная структура лексем. Этноязыковая основа и типологические черты материнских говоров выражаются в явлениях гиперкоррекции, при образовании синонимических рядов, в вариативности и отсутствии реализации сем или семантических смещений. Изменения в словарном составе семейских говоров, находящихся в контактировании с другими диалектными системами, определяются как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, главным из которых является степень близости взаимодействующих диалектных систем.

4. Заключение

История, культура, этнография и язык амурских старообрядцев представляют собой сложнейшее явление, сформировавшееся под влиянием восточнославянской, западнославянской (главным образом польской), сибирской, бурятской, китайской и под. составляющих. Старообрядцы объединены общей генетической основой, историей социально-экономических, культурных, брачных, соседских контактов как на материнских территориях, так и в районах нового расселения.

Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование говоров старообрядцев Амурской области дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности их бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения и др. Такой подход связан с исследованием процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также с изучением тенденций культурного взаимодействия между различными в культурно-религиозном отношении группами русского населения, что, несомненно, вызовет интерес у современных исследователей и будет способствовать фиксации и сохранению культурного и языкового наследия амурских старообрядцев.

Список источников

1. Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. 400 с.
2. Аргудяева Ю. В. Старообрядцы в Приамурье и Приморье // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие: материалы Всерос. науч. конф. Иркутск: Анонс, 2005. С. 204-215.
3. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 428 с.
4. Архипова Н. Г. Амурские старообрядцы в аспекте языка и культуры // Языковой портрет Приамурья. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. С. 65-78.
5. Архипова Н. Г. Говоры старообрядцев – семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-34.
6. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. А. Кириллов. Благовещенск: Тип. товарищество Д. О. Мокин и Ко, 1894. 543 с.
7. Дальневосточный старообрядец. Харбин: Русский путь, 1935. 31 с.
8. Калашников П. Ф. А. М. Селищев как историк, археолог, этнограф и диалектолог (к 80-летию выхода в свет книги «Забайкальские старообрядцы. Семейские») // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: тезисы регион. науч.-практ. конф. (19-20 октября 2000 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. С. 82-87.
9. Лобанов В. Ф. Возвращение старообрядцев (1990-1913 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1994. № 2. С. 15-28.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905. Тетр. 2. Амурская область, 1905. 53 с.
11. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900-1902 гг. Благовещенск: Изд-во «Зея», 1903. 46 с.
12. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903-1905 гг. Благовещенск: Изд-во «Зея», 1906. 43 с.
13. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / ред. Л. В. Кирпикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 198 с.
14. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
15. Старообрядцы-переселенцы // Церковь. 1912. № 12. С. 291-302.
16. Старообрядческий архив диалектных текстов. 2001-2017 гг. // Фонд хранения – лаборатория региональной лингвистики Амурского госуниверситета. Благовещенск: АмГУ.
17. Тынтуева Е. И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: дисс. ... к. филол. н. Л., 1974. 271 с.

THE OLD BELIEVERS OF THE AMUR REGION: HISTORY AND PECULIARITIES OF LANGUAGE EXISTENCE

Arkhipova Nina Gennad'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur State University
charli71@mail.ru

The article deals with the Russian dialects of the Old Believers of Amur region, which were formed in the conditions of the foreign dialectal and foreign language environment and were influenced by the Polish, Belorussian, Mongolian-Buryat, Chinese and Spanish languages. There are four groups of dialects: 1) those which preserved the features of the South Russian mother dialects at all language levels and have “traces” of the Polish and Belorussian influence; 2) those which preserved the singular features of the mother dialects of the South Russian origin, but have a predominantly Northern Russian lexical system; 3) those which are characterized by a heterogeneous composition and experienced the Belorussian influence already on the territory of Amur region; 4) those which refer to the Central Russian “a-pronouncing” dialects, experienced the influence of Chinese and Spanish outside the metropolis.

Key words and phrases: Old Believers; dialects; migration; emigration; Russian in metropolis; the Russian language in foreign countries.